

УДК 801.73.1.2

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ И МОДАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОНИМАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Е. В. Ильина

Тверской государственной университет
кафедра английской филологии

Метафоризация как наиболее мощное средство пробуждения рефлексии создает основу для дальнейшего упорядочивания процесса понимания в виде управления деятельностью рефлексии читателя в художественном тексте с помощью модальной партитуры распределения смыслов. Таким образом, метафоризация и модальность в художественном тексте выступают как взаимосвязанные механизмы, взаимодействие которых определяет успешность процесса понимания

Ключевые слова: *метафоризация, рефлексия, модальная партитура, смысл-модализация*

Понимание текста, особенно художественного, представляет собой сложный многоаспектный процесс. Любой текст в формальном плане состоит из некоторого набора инвентарных и конструктивных знаков, использование которых становится возможным только в рамках избранной языковой системы. Однако гораздо важнее то, что в словах и предложениях художественного текста оказывается свернутым некоторое смысловое послание, данное неявно и не вытекающее из семантики использованных единиц. В настоящей статье акцент делается на интегративной природе смысла как конструкта, исследование которого необходимо для изучения и адекватного описания деятельности понимания текста. А. А. Залевская говорит о поступательной организации такого процесса: от тела текста к значению каждого слова как «достоянию социума», далее – к концептам как «достоянию индивида» и к смыслу, как интегративному продукту всей этой работы [5, с. 418]. В этом случае смысл предстает как конструкт, который применительно к тексту стоит на самом высоком уровне его организации.

Смысл может рассматриваться еще более широко – как способ бытия человека в мире. Прежде всего, имеются в виду способы репрезентации действительности с целью эффективного взаимодействия с нею. Согласно герменевтической интерпретации статуса смысла в языке наиболее частотные смыслы, к которым человек постоянно прибегает как к способам обустройства мира, категоризируются, превращаясь в языковые значения [3].

Во многих работах, рассматривающих соотношение смысла и значения, больше внимания уделяется значению, чем смыслу. Это естественно, так как научному анализу легче подвергнуть то, что уже зафиксировано системой языка (ср.: для Г. П. Мельникова смыслы лежат за пределами языковой системы [12]).

А. В. Колмогорова рассматривает значение как «структуру знаний, складывающуюся в сознании членов языкового сообщества в процессе

накопления опыта взаимодействий с членами знакового отношения – объектом-элементом окружающей среды и языковым знаком» [10, с. 10]. Ключевым моментом в этом определении является указание на постепенный характер становления языкового значения. Нам представляется, что главным фактором, влияющим на характер и конечный результат такого становления, являются смыслы, постоянно создаваемые, воссоздаваемые и преобразуемые (в плане высвечивания конкретных их граней) в культуре и её текстах.

В свою очередь, значение обеспечивает саму возможность и адекватность распределения (освоения) смысла. Значения, или, точнее, их объединения в определенные структуры, обеспечивают сворачивание смысла, его облечение в слова, предложения, тексты при говорении с последующим распределением в процессе понимания. При этом значения и смыслы оказываются рядоположены как различные компоненты одной и той же деятельности понимания [15].

Не меньше спорных моментов возникает в деле разграничения уровней содержания и смысла в тексте. Согласно Г. П. Мельникову, смыслы – «компоненты внеязыкового мыслительного содержания», значения же выполняют «посредническую функцию при номинации смыслов» [13, с. 102–103]. Однако такой смысл в филологической герменевтике – эквивалент содержания, так как осуществляется лишь репрезентация отношений комбинирующихся в тексте единиц в смысле осуществления трансноминативной и когноминативной в терминологии Г. П. Мельникова [13, с. 103–104]. Таким образом, в нашей работе мы будем придерживаться исследовательской возможности выделения в тексте двух взаимодействующих уровней: уровня содержания и уровня смысла. Примерами исследования текста при учете взаимодействия уровней содержания и смысла могут быть работы представителей Тверской герменевтической школы [4; 2; 11].

Смыслы-модализации в художественном тексте выступают как служебные смыслы-способы изменения реальности. Нигде больше реальность не подвергается столь масштабной модификации. Возникающие фантазийные миры, однако, содержат элементы реального мира. Отношения между этими элементами предстают в новом преобразованном виде. Таким образом, модальные компоненты в языке и тексте отражают особый вид взаимодействия человека с окружающей его действительностью, а именно стремление к её изменению, а не её репрезентации, приспособлению к ней [7]. Согласно концепции Московской семантической школы в человеческом языке выделяется особый круг фундаментальных значений, которые составляют основу семантической системы языка и, при определенных условиях, могут превращаться друг в друга. Эти же значения далее называются системообразующими смыслами, входящими в большое количество языковых единиц разной природы. Показательно, что среди прочих к ним относятся и модальные смыслы, которые или рассматриваются как семантические примитивы – мочь, знать, или как более сложные, но сводимые к таким примитивам смыслы – цель, готов, должен, намерен. Так, смысл цель может рассматриваться как пример взаимодействия волеизъявления и возможности [1, с. 30, 52–53].

В художественном тексте смыслы-модализации помогают читателю восстанавливать ход преобразования отношений реального мира в смысловом пространстве текста. Создавая модальные кластеры в рамках модальной партитуры распределения смыслов текста, смыслы-модализации управляют тем, как реципиент осваивает все другие смыслы. Партитуру модальных составляющих текста, или модальную партитуру будут формировать два плана компонентов. С одной стороны, это модальные смыслы, то есть смыслы-модализации, с другой стороны, объединяемые ими в блоки смыслы безмодальные, или, точнее, пассивно модальные. В процессе рефлексивного действия с текстом каждый смысл блока активизируется, модально окрашивается под влиянием смысла-объединителя. Отношения как между подчиненными смыслами внутри кластера, так и межкластерные связи устанавливаются под влиянием упомянутых ядерных смыслов-модализаций [14; 6; 8; 9]. Таким образом, деятельность рефлексии, координируемая модальной партитурой, обеспечивает адекватность понимания текста читателем, смысловое тождество текста самому себе. Имеется в виду, что смыслы-модализации одновременно выступают как смысловые доминанты, с заранее активизированными гранями. Такие смыслы наиболее легко опознаются и восстанавливаются, являясь заранее заложенными в текст ключами к тому, чтобы читатель понял текст в целом так, как того хотел автор.

Опознавание смыслов в тексте связано с интендирующим статусом средств текстопостроения. Важно отметить, что в данном случае в качестве таких средств не могут рассматриваться *отдельные* инвентарные или конструктивные знаки языковой системы, стилистические средства и приемы, текстовые репрезентации дискурсивных стратегий и тактик и т. п. В качестве текстообразующего средства выступает значимое в данном контексте *сочетание* всех возможных средств и приемов, их определенным образом организованная совокупность, отвечающая за опредмечивание того или иного смыслового компонента. Средства текстопостроения имеют комплексную форму. При этом смысл как идеальное содержание такой формы рассматривается процессуально, то есть он опознается и осваивается читателем только в ходе направления деятельности рефлексии на текст. Иными словами, смысл не существует нигде, кроме непосредственно процесса понимания текста [3].

Метафоризация в тексте играет роль пускового механизма для смыслового синтеза. Модальность оказывается последующим координирующим механизмом. Свойственная метафоризации «аномальность» в понимании тех, кто занимался метафорой в рамках теории референции, в художественном тексте преодолевается построением модальной партитуры распределения его смыслов. Именно этот процесс, по нашему мнению, является непосредственным местом реализации «неэнтропийной» функции модальности [16, с. 63]. Метафора рассматривается нами как необходимое условие и наиболее мощное средство пробуждения рефлексии [11, с. 7]. При этом метафора, наряду с оценкой и временем (как координатой формируемого в тексте дейктического плана/планов), обеспечивает переход от языковой модальности с её предикативно-пропозитивными характеристиками к модальности текстовой.

Неслучайно «Собачье сердце» М. А. Булгакова начинается с описания страданий раненого пса, сознание которого вмещает мысли и мнения, более подходящие людям (Ср.: «...отчаяние – и подлинно грех»). Персонализация создает основу для последующего метафорического искажения, в рамках которого животное и человеческое меняются местами. Уже в начале повести собака представляется читателю не только как мыслящий субъект, но и как носитель мнений, отношений. Все начало первой главы пестрит оценочными суждениями: «негодяй в грязном колпаке», «жадная тварь», «дело на любителя», «наигнуснейшая мразь», «о, бескорыстная личность» и т. п. Помимо оценок в собачьих рассуждениях много эмоциональности: «Угасает собачий дух!»; «Жаль мне её, жаль!»; «...последнего холоуя именно и приятно бывает тяпнуть за лодыжку»; «Рабская наша душа, подлая доля!»; «Лижу вам руки. Целую штаны, мой благодетель!». Наряду с оценками и эмоциональной экспрессией в тексте имеются и более тонкие указания, неявные смысловые ориентиры отношенческого характера: разговорное «негодяй в грязном колпаке» соседствует с канцеляризмом «столовая нормального питания Центрального Совета Народного Хозяйства» или: «какая гадина, а еще пролетарий». К случаям такого неявного смыслоопределения можно отнести и последовательное изменение оценки статуса профессора: «гражданин, а не товарищ, и даже вернее всего – господин»; сюда же можно отнести описание горькой доли «машинисточки» с её «любовниковыми чулками». Таким образом, метафоризация создает базу для выражения оценок и отношений, в совокупности образующих модальную сетку, накладываемую на текст. Через метафоризацию в художественный текст входит модальность как механизм упорядочивания смыслового пространства текста, механизм обеспечивающий последовательное и стройное выражение общей художественной идеи.

Всем известно, что часто само название литературного произведения представляет собой метафору – «Памятник» А. С. Пушкина, «Облако в штанах» В. В. Маяковского, «Татуированная роза» Т. Уильямса, «Убить пересмешника» Х. Ли, «Короли и капуста» О. Генри, «Алая буква» Н. Готорна, «Унесенные ветром» М. Митчелл и т. д. Метафора в названии может не опознаваться как таковая, но однозначно определяется как перенос с последующим смысловым преобразованием в ходе понимания текста (Ср.: «Идиот» Ф. М. Достоевского, «Очаг и саламандра», «Сито и песок» из «451 градус по Фаренгейту» Р. Бредбери). Название романа Ричарда Руссо «Мост вздохов» представляет собой метафорическое переосмысление реалии. Мост в Венеции символизирует сожаления каждого из героев о несбывшихся надеждах и мечтах. Метафора, присутствующая уже в названии художественного текста, подготавливает читателя к необходимости изменения реальности, тем самым задавая своеобразные рамки для процесса распределения смыслов текста.

Со сложной многослойной метафоры начинается роман Р. Бредбери «451 градус по Фаренгейту».

Пробуждаемая метафорой рефлексия далее направляется в нужное русло с помощью сетки отношений автора и персонажей к реалиям нового конструируемого в тексте мира. Главный герой, Монтэг, рад гибели книг,

которые предстают как живые существа: «the flapping pigeon-winged books died on the porch», но улыбка, никогда не покидающая его лицо, неестественна: «It never went away, that smile, it never ever went away». Упомянутая «сетка отношений» в предлагаемой нами концепции представляет собой модальную партитуру распредмечивания смыслов текста.

Содержательно, то есть в плане содержания комплекса предикаций, цитированный выше отрывок является описанием того, как пожарный, функции которого поменялись в мире будущего на прямопротивоположные, сжигает дом с книгами. При этом, пробуждая рефлексию, метафора создает условия для перехода от содержания к смыслу. Линии метафоризации задаются персонификацией непосредственно задействованных в процессе сжигания неживых объектов: книги становятся умирающими птицами, а брандспойт с керосином – огромной ядовитой змеей, их убийцей. При этом сам Монтэг выступает как дирижер, всем управляющий и поэтому получающий удовольствие от процесса. Человек чувствует себя сильнее самой истории, которую он уничтожает. Он, человек – властелин мира. Таким образом, метафора одновременно обуславливает ожидания читателя, который далее в тексте будет готов увидеть либо подтверждение, либо опровержение данного смыслового тезиса. Однако уже в том же абзаце автор дает дополнительную подсказку в виде экспликации модального значения желания: «He wanted above all, like the old joke, to shove a marshmallow on a stick in the furnace». Данная смысловая линия подкрепляется сменой эпитетов «fierce grin» – «fiery smile» для описания странной улыбки, которая даже во сне не сходила с губ Монтэга, как будто мышцы лица были парализованы. Описание улыбки заканчивается уточняющей эмфатической конструкцией «It never went, that smile...» (в переводе Т. Шинкарь – «жесткая улыбка» – «улыбка-гримаса» – «судорожная улыбка»). Абсурдность желания пожарить сладость на костре истории, ребячество такой мысли, переключается с неестественностью улыбки, которая только кажется молодецкой ухмылкой супермена, но сама оказывается неподвластной его воле. Формируемый таким образом смысловой вывод сводится к тому, что пожарный реализует не свои желания, хотя сама работа ему, вроде бы и нравится. Смысл-модализация, опредмечиваемый в сочетании эксплицитного выражения желания и смены эпитетов, подчеркивающих рассогласованность мыслей героя, можно представить как «необходимость разобраться в себе». Монтэг должен понять, действительно ли ему нравится делать то, что ему велит общество (далее в тексте герою задают вопрос «Are you happy?», на который он в итоге отвечает отрицательно). При этом метафоризация изначально усиливает назревающий внутренний конфликт, поскольку формируемые метафорой яркие образы, персонифицирующие неживые объекты, оживляют всю картину происходящего. Читателю становится понятно, почему рутинный для пожарного процесс сжигания может быть приятен. С другой стороны, семантическое содержание метафорического сравнения пожарного с дирижером модифицируется, поскольку читатель, используя модальные ориентиры, начинает понимать, что и самим пожарным управляет чуждая его человеческому естеству сила.

Из приведенных примеров и теоретических рассуждений следует, что метафоризация и текстовая модальность тесным образом взаимодействуют в

процессе понимания художественного текста. Метафора долгое время рассматривалась как «искажение», искривление реальности с целью создания яркого образа. Такое искажение актуализируется изначально через личностное отношение. Любая языковая метафора в языке изначально модальна. В художественном тексте метафоризация, наоборот, обуславливает использование модальных ориентиров в процессе понимания. Направление рефлексии на текст становится возможным благодаря метафоризации (являясь соответственно причиной и актом пробуждения рефлексии) [11, с. 13]. Модальность обеспечивает дальнейшее координирование процесса рефлексивного действия в соответствии с закладываемой в текст модальной партитурой распределения его смыслов. Последняя выступает в виде мотивационного алгоритма, позволяющего сохранить смысловую идентичность текста при каждом новом прочтении.

Список литературы

1. Апресян, В. Ю. Языковая картина мира и системная лексикография [Текст] / В. Ю. Апресян. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 912 с.
2. Богатырев, А. А. Схемы и форматы индивидуации интенционального начала беллетристического текста [Текст] / А. А. Богатырев. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. – 197 с.
3. Богин, Г. И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику [Электронный ресурс] / Г. И. Богин. – Режим доступа: <http://pall.hoha.ru> – Дата обращения: 12.04.2013. – Загл. с экрана.
4. Галеева, Н. Л. Параметры художественного текста и перевод [Текст] / Н. Л. Галеева. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1999. – 155 с.
5. Залевская, А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды [Текст] / А. А. Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.
6. Ильина, Е. В. Построение модальной партитуры и выражение эмоционально-волевых реакций в тексте [Текст] / Е. В. Ильина // Вестник Тверского государственного университета. – 2011. – Сер. «Филология» (Лингвистика и межкультурная коммуникация). – № 4. – Вып. 2. – С. 48–62.
7. Ильина, Е. В. Объективность и субъективность модальности через призму герменевтики: модальное значение и модальный смысл [Текст] / Е. В. Ильина // Отечественная и зарубежная литература в контексте изучения проблем языкознания. – Краснодар : Премьер, 2012. – Кн. 4. – С. 21–37.
8. Ильина, Е. В. Взаимодействие и конфликт блоков содержания и смысла под воздействием модальной партитуры текста [Текст] / Е. В. Ильина // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 3(20). – С. 105–115.
9. Ильина, Е. В. Взаимовлияние блоков содержания и смысла под воздействием типа модальной партитуры текста [Текст] / Е. В. Ильина // Вестник Воронежского государственного университета. – 2013. – Сер. «Филология и журналистика». – № 1. – С. 52–55.
10. Колмогорова, А. В. Языковое значение и речевой смысл: функционально-семиологическое исследование прилагательных обозначений светлого и тёмного в современных русском и французском языках [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / А. В. Колмогорова ; Иркутск. гос. лингвист. ун-т. – Иркутск, 2006. – 412 с.

11. Крюкова, Н. Ф. Метафоризация и метафоричность как параметры рефлексивного действия при продукции и рецепции текста [Текст] : дис. ... д-ра филолог. Наук : 10.02.19 / Н. Ф. Крюкова ; Моск. гос. ун-т. – М., 2001. – 275 с.
12. Мельников, Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики. [Электронный ресурс] / Г. П. Мельников. – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru>. – Дата обращения: 23.08.2013. – Загл. с экрана.
13. Мельников, Г. П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели [Текст] / Г. П. Мельников. – М. : Наука, 2003. – 395 с.
14. Пучкова, Е. В. (Ильина Е. В.) Языковая модальность в герменевтической научной парадигме [Текст] / Е. В. Ильина. – Калуга : Наша Полиграфия, 2009. – 87 с.
15. Щедровицкий, Г. П. Смысл и значение // Проблемы семантики. [Электронный ресурс] / Г. П. Щедровицкий. – Режим доступа : <http://www.fondgp.ru>. – Дата обращения: 02.09.2013. – Загл. с экрана.
16. Юрченко, В. С. Очерки по философии языка и философии языкознания [Текст] / В. С. Юрченко. – Саратов : Саратов. пед. ин-т, 2000. – 368 с.

METAPHORIC AND MODAL BASES OF INTERPRETATION OF A FICTION TEXT

E. V. Iljina

Tver State University, Tver
The department of English philology

Metaphorization as the most powerful instrument of activating reflexion provides a basis for further regulating the process of fiction text interpretation by means of controlling the reader's reflexion activity within the modal score of sense processing. Thus metaphorization and modality in a fiction text appear to function as interrelated mechanisms predetermining successfulness of its understanding.

Key words: *metaphorization, reflexion, modal score, modalizing sense*

Об авторах:

ИЛЬИНА Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры английской филологии Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: lpuchkova@mail.ru